

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

№ 141

**К.Б. КЛОКОВ, Т.М. КРАСОВСКАЯ,
А.Н. ЯМСКОВ**

**ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕХОДА К
УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ
РАЙОНОВ РАССЕЛЕНИЯ
КОРЕННЫХ НАРОДОВ
РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ**

**Москва
2001**

ISBN 5-201-13758-x (3)

© Серия "Исследования по прикладной и неотложной этнологии"
Института этнологии и антропологии РАН. Документ N 141.

Редакционная группа:
В.А.Тишков (отв.ред.)
Н.А.Лопуленко
М.Ю.Мартынова

Материалы серии отражают точку зрения авторов и могут не совпадать с позицией редакционной группы

При использовании ссылка на материалы обязательна

По вопросам приобретения материалов обращаться по адресу:
117334, Москва, Ленинский проспект, д.32а.
Институт этнологии и антропологии РАН
тел. 938-00-19, 938-07-12
E-mail ANTHPUB@IEA.RAS.RU
fax: (7-095) 938-06-00

К.Б.КЛОКОВ, Т.М.КРАСОВСКАЯ, А.Н.ЯМСКОВ

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕХОДА К УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ
РАЙОНОВ РАССЕЛЕНИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ
РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ

Об авторах

КЛОКОВ, КОНСТАНТИН БОРИСОВИЧ - доктор географических наук, заведующий Лабораторией географии общества и региональной политики НИИ географии СПбГУ. Занимается проблемами традиционного хозяйства коренных народов Севера и социально-экологическими проблемами северного природопользования.

КРАСОВСКАЯ, ТАТЬЯНА МИХАЙЛОВНА - кандидат географических наук, старший научный сотрудник Географического факультета МГУ. Круг научных интересов: социальная экология, культурные ландшафты и антропогенная трансформация северных геосистем, проблемы северного природопользования, применение геоинформационных методов в географии и др.

ЯМСКОВ, АНАТОЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ - кандидат исторических наук, заведующий Сектором этнической экологии Института этнологии и антропологии РАН. Область научных интересов: традиционное хозяйство и межэтнические отношения в Сибири, на Урале и Дальнем Востоке, а также традиционное природопользование, история и теория этноэкологических исследований, этнические конфликты.

About the Authors

KLOKOV, KONSTANTIN BORISOVICH

Ph.D. in geography (Doctor of sciences), head of the Department of social geography and regional policies at the Institute of Geography of the St.-Petersburg State University. Field studies of traditional reindeer herding and hunting in Siberia and the European North. Research interests: traditional economic activities of indigenous peoples of the North and social-ecological problems of the Northern nature resource use.

KRASOVSKAYA, TATIANA MIKHAILOVNA

Ph.D. in geography (Candidate of sciences), senior researcher at the Geographical Faculty of the Moscow State University. Field studies in the Polar region. Research interests: social ecology, cultural landscapes, northern geosystems' transformation under the human impact, problems of nature management at the North, GIS application in geographical studies, etc.

YAMSKOV, ANATOLY NIKOLAEVICH

Ph.D. in ethnography (Candidate of sciences), head of the Department of ethnic ecology at the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. Field studies of traditional economic activities and inter-ethnic relations in Siberia, the Urals and the Far East, in other regions. Research interests: traditional nature resource use, history and theory of ethnic (cultural) ecology, and ethnic conflicts.

Summary

KLOKOV K.B., KRASOVSKAYA T.M., YAMSKOV A.N.

PROBLEMS OF TRANSITION TO SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF AREAS OF THE RUSSIAN ARCTIC, RESIDENTED BY INDIGENOUS PEOPLES.

The authors briefly analyze current environmental, social-economic and ethnocultural problems of indigenous population in the Arctic. Concept of sustainable development is reviewed both in its relation to the Russian Arctic in general and to areas of residence and traditional economic activities of indigenous peoples in particular. Special attention is devoted to assessment of traditional nature resource use, including ecological and economic aspects of its functioning under contemporary conditions, as well as to co-management of natural resources - both are seen as key elements in the strategy of transition towards sustainable development of the Russian Arctic and of the peoples, living there.

Данный доклад представляет собой часть научно-исследовательского Проекта, выполненного в рамках Раздела № 5.4 Российского национального плана действий по защите морской среды от антропогенного загрязнения в Арктическом регионе Российской Федерации (НПД "Арктика"). Проект "Подготовка (совместно с организациями коренных малочисленных народов) Арктической Хартии для обеспечения сохранения территорий традиционного природопользования и традиционного уклада жизни малых этнических групп и общин и их участия в решении вопросов, связанных с развитием территорий их проживания и традиционного природопользования" осуществлен по заказу межведомственной Комиссии по делам Арктики и Антарктики при Минэкономике РФ и при поддержке ACOPS (Консультативный комитет по защите морей). Полный текст Проекта и другие материалы доступны в Интернете по адресу: <<www.acops.org>>. Над ним работала группа экспертов Консультативного комитета под руководством Т.М. Красовской, включавшая в том числе и представителей Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ (руководитель – П.В. Суляндзига). Данная публикация подготовлена на основе частично сокращенной главы № 2 и ряда разделов из других глав Проекта, написанных Т.М. Красовской, К.Б. Клоковым и А.Н. Ямсковым.

АРКТИЧЕСКИЙ РЕГИОН РОССИИ: ГРАНИЦЫ И НАСЕЛЕНИЕ, ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕХОДА К УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ

Территориальные границы Арктики, в зависимости от практических целей и избранного критерия, определяются различным образом и фактически часто включают в себя и Субарктику. Опираясь на обзор подходов к решению данного вопроса, выполненный И.И. Крупником¹, и внося в него некоторые дополнения и коррективы, можно сформулировать предлагаемые различными областями научных знаний и официальной сеткой административного деления принципиально разные основания для существующих определений южной границы Арктики в указанном широком смысле слова и, следовательно, общей площади Арктического региона России:

1. Геодезия – по Северному Полярному кругу (66° 33' северной широты);
2. География (перечисление идет в порядке увеличения площади Арктики за счет перенесения ее границы к югу):

- Физическая география – по южной границе природной зоны арктических пустынь, то есть собственно Арктического географического пояса;
 - Климатология – по южной границе июльской изотермы + 10°С, то есть, включая практически всю зону тундры и тем самым объединяя Арктический и часть Субарктического географических поясов;
 - Биогеография – по южной границе природных зон и подзон лесотундры и северной редкостойной тайги Евразии, то есть, включая всю Субарктику;
3. Этнология (культурная антропология) – по расселению и землепользованию народов и этнокультурных групп Арктики и Субарктики, в большинстве своем принадлежавших (на начало XX в.) к следующим хозяйственно-культурным типам:

- оседлые и полуседлые морские охотники;
- кочевые оленеводы зоны тундры и лесотундры.

4. Административная сетка – по административным границам территорий (районов, областей, краев и республик), отнесенных к Арктике законодательными актами.

Народы российской Арктики определяются на основании решения о территориальных границах Арктики. Если принять приведенную выше этнологическую точку зрения, то к арктическим коренным народам и этнокультурным группам России следует относить следующие этносы или обладающие бесспорной культурной спецификой части этносов:

1. Оседлые и полуседлые морские охотники побережий Арктики и Субарктики: азиатские эскимосы, оседлые (“береговые”) чукчи и коряки (в том числе включая выделенных в последнее время отдельно от коряков кереков, живущих в северной части Охотского побережья).

2. Кочевые оленеводы зоны тундры и лесотундры (их сезонные перекочевки охватывают, как правило, оба типа экосистем): саами, ненцы, коми-ижемцы, северные ханты, северные селькупы, энцы, нганасаны, долганы, северные (“оленные”) якуты, северные эвенки, эвенки, северные юкагиры, чуванцы, чукчи, коряки.

3. Оседлые и полуседлые рыболовы и охотники зоны тайги и тундры (живущие в долинах больших рек): многочисленные группы русских старожилов (от северных групп поморов на Западе до марковцев, гижигинцев и т.п. на Северо-Востоке), коми и якутов, а также отдельные этнотерриториальные группы из числа практически всех перечисленных выше оленеводческих коренных малочисленных народов Севера (но особенно значительно данный хозяйственно-культурный тип в речных долинах тундровой зоны был представлен среди саамов, хантов, долган, юкагиров, чуванцев).

Коренное население Севера, или коренные народы и этнокультурные группы населения Севера, часть которых состав-

ляют народы российской Арктики, является сложным многосоставным понятием, не закрепленным законодательно, и включает в себя следующие категории:

1. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока, которые фактически полностью соответствуют категории “аборигенных народов” в международном праве и юридически выделяются в СССР и России начиная с 1926 г.²

2. Относительно крупные народы Сибири и Европейского Севера (карелы, коми, сибирские татары, буряты, якуты, алтайцы, тувинцы, хакасы); в состав практически каждого из которых были или есть этнотерриториальные группы, зависевшие в основном от рыболовства, охоты, собирательства и даже (у тувинцев, коми, якутов) оленеводства.

3. Этнотерриториальные группы русских старожилов (потомки первых поселенцев XVI-XVII вв., часто смешанного происхождения, то есть возникшие за счет частичной ассимиляции коренного населения Севера), также зависевшие в основном от рыболовства, охоты, собирательства.

Устойчивое развитие региона в самых общих чертах предполагает “...удовлетворение потребностей нынешнего поколения, не ставящее под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности”; концепция устойчивого развития предусматривает достижение сбалансированного развития трех основных компонентов социозкосистем Земли на глобальном и региональных уровнях – природы, общества, экономики³.

В отношении российской Арктики и Севера в целом необходимо учитывать их двойственную функцию: это – одновременно и среда обитания коренного населения, частью ведущего традиционное хозяйство, и важнейшая сырьевая база страны, дающая работу большинству нынешних жителей региона, которые и обеспечивают значительную часть потребностей мировой экономики в газе, цветных металлах, нефти и т.п. Следовательно, модель устойчивого развития российского Севера и концепция перехода к такому развитию должны рассматриваться в двух аспектах – в отношении коренного насе-

ления, отраслей его традиционного хозяйства и состояния соответствующих биоресурсов и территорий, а также в отношении пришлого населения, занятого в современных отраслях экономики, использующих в первую очередь ископаемые природные ресурсы и провоцирующих загрязнение окружающей среды.

Иными словами, российский Север фактически требует разработки двух взаимосвязанных вариантов модели устойчивого развития – для районов сохраняющегося традиционного природопользования и для районов активного экономического (промышленного) освоения; при этом интересы и перспективы дальнейшего существования коренного населения Севера должны учитываться в обоих вариантах. Таким образом, модель устойчивого развития Арктического региона

должна быть представлена в виде ряда достаточно своеобразных субрегиональных вариаций, отражающих указанную специфику российского Севера. Особое внимание при разработке региональной модели устойчивого развития должно уделяться проблеме формирования (сохранения) экологического каркаса территории, в который и должны входить территории сбалансированного традиционного природопользования. К тому же в средне- и долгосрочной перспективе следует непременно учитывать дестабилизирующее воздействие региональных изменений климата, как на традиционное хозяйство и занятую в нем часть коренного населения, так и на современные отрасли добывающей экономики и обслуживающую ее транспортную инфраструктуру.

СОВРЕМЕННЫЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ

Политика государственного протекционизма нашла свое отражение в законодательных актах, направленных на защиту прав коренных малочисленных народов российской Арктики и обеспечение достойных условий их жизни, а также в федеральных целевых программах и т.д. В последние годы такая политика не полностью отвечает задачам обеспечения перехода коренного населения к устойчивому развитию. С одной стороны, это связано с несовершенной законодательной базой для ее проведения, отсутствием механизмов их реализации и слабым контролем исполнения существующих законов, с другой – ограниченным участием коренного населения в процессах самоуправления. Насущной проблемой стал переход к партнерским отношениям. Коренные малочисленные народы и старожильческое население региона должны рассматриваться как субъект его развития, наделенный всеми правами решения вопросов, связанных с развитием Арктического ре-

гиона. Практика раздельного подхода к вопросам сохранения природной среды и освоения региона в отрыве от интересов его коренного населения не только не отвечает основным положениям концепции устойчивого развития, но и ведет к значительному обострению социально-экологической обстановки в регионе.

В настоящее время на значительной части территории региона нарушения природных экосистем привели к утрате их ресурсной ценности. Промышленное освоение районов Арктики России сопровождается нанесением значительного ущерба многим природным ресурсам. За последние годы значительно сократились площади оленьих пастбищ и ухудшилось их качественное состояние, уменьшились запасы кормов и общее поголовье домашних оленей. Вследствие отчуждения земель под промышленные предприятия и загрязнения территории промышленными выбросами, сельское население лишилось не только пастбищных земель, но и охот-

ничьих угодий, традиционных рыбопромысловых мест, площадей сбора дикоросов. За последние годы на треть уменьшилась добыча рыбы, пушнины (соболя – в 4,3 раза, ондатры – в 6,8 раза и т.п.), морского зверя, почти прекращена заготовка грибов, ягод, орехов, лекарственных растений и водорослей.

Выполненные в рамках НПД “Арктика” (руководитель А.В. Евсеев) в 2000 г. исследования выявили, что территории компактного проживания и традиционного природопользования коренных малочисленных народов Арктического региона России подвергаются негативному влиянию более 72 (из 129 выявленных на суше) разнообразных источников загрязнения и механических нарушений природной среды различной мощности. В таблице № 1 показано влияние основных импактных районов Российской Арктики на территории компактного проживания и традиционного природопользования коренных малочисленных народов.

Накопление токсичных веществ (тяжелых металлов, хлорорганических соединений и др.) в местных продуктах питания, водоемах, загрязнение атмосферы в импактных районах представляет собой прямую угрозу состоянию здоровья коренного и старожильческого населения Арктического региона, а механические нарушения растительного покрова, почв и грунтов территорий традиционного природопользования подрывают материальную основу традиционного хозяйства.

Несмотря на предпринимаемые в последние годы на федеральном и региональном уровнях усилия, территории традиционного природопользования коренных малочисленных народов и старожильческого населения Арктического региона России постоянно испытывают негативное воздействие, порожденное приоритетным развитием промышленного природопользования.

Такое положение вряд ли отвечает интересам устойчивого развития региона, так как не только подрывает традиционный жизненный уклад коренного населения, приводя к угасанию этнической культуры, а вслед за ней и самих малочисленных этносов, но и сводит на нет значи-

мость региона как экологического каркаса страны. Игнорирование этих фактов, равно как и роли традиционных знаний в развитии устойчивого природопользования в Арктическом регионе, во многом является следствием отчуждения коренных жителей региона от компетентного управления его развитием.

Настоящая работа является шагом на пути к преодолению сложившегося положения и призвана не только подчеркнуть, что коренные малочисленные народы и старожильческое население являются полноправными субъектами развития Арктического региона и акцентировать внимание на острой социально-экологической обстановке в нем, но и определить механизмы, направленные на сохранение территорий традиционного природопользования и традиционного уклада жизни коренного населения в целях перехода к устойчивому развитию, опираясь на новейшие научные разработки, отечественный и международный опыт. В рамках работы над Проектом была предпринята попытка формулирования современных научных подходов к решению этой проблемы, проведены инновационные социологические и демографические оценки, призванные выявить современные ценностные ориентиры коренных жителей региона, а также внутрорегиональные различия в уровне социально-экономического развития различных этнических групп⁴.

В концентрированной форме итоговые выводы работы представлены в *Арктической декларации* “Защита права коренных малочисленных народов и малых этнокультурных групп Арктического региона России на сохранение традиционного уклада жизни, территорий проживания и участие в делах, касающихся развития таких территорий и традиционного природопользования”, которая широко обсуждалась в рамках Координационного Совета коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в г. Салехарде (ноябрь 2000 г.), а также в региональных отделениях этой авторитетной организации. Активные консультации в ходе выполнения работы с Ассоциацией коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, а также

Коренные малочисленные народы Арктического региона, компактно проживающие в основных импактных районах Арктического региона России

№	Импактный район	Источники загрязнения	Коренные малочисленные народы	Острота экологической ситуации в центре импактной зоны
1.	Кольский	Металлургия, горнодобывающая промышленность, ТЭЦ, транспорт, добыча и транспорт углеводородов (в перспективе)	саами, ненцы	Кризисная
2.	Тимано-Печорский	Нефтегазодобыча	ненцы	Критическая
3.	Новоземельский (наземно-морской)	Военные объекты (полигоны, затопление ядерных установок подводных лодок, других радиоактивных отходов)	ненцы	Критическая (потенциально-кризисная)
4.	Воркутинский	Горнодобывающая промышленность, ТЭЦ	ненцы	Критическая
5.	Пур-Надымский	Нефтегазодобыча	ненцы	Критическая
6.	Средне-Обский	Нефтегазодобыча	ханты, манси	Кризисная
7.	Норильский	Горно-металлургическая промышленность	ненцы, нганасаны, долганы, эвенки	Кризисная
8.	Яно-Индигирский	Горнодобывающая промышленность	эвены, юкагиры	Острая
9.	Валькумейский	Горнодобывающая промышленность, ТЭЦ	чукчи	Острая

В таблице используется стандартная градация оценок экологической ситуации: если начинать перечисление с наилучшей, то:

Кризисная экологическая ситуация - характеризуется значительными и трудно компенсируемыми изменениями природной среды, истощением природных ресурсов, ухудшением здоровья населения и т.д.

Критическая экологическая ситуация - характеризуется значительными изменениями природной среды, нарастанием угрозы истощения природных ресурсов, устойчивым ростом заболеваемости населения;

Острая экологическая ситуация - характеризуется негативными изменениями отдельных компонентов природной среды, приводящим к деградации отдельных природных ресурсов, ухудшению условий проживания населения.

непосредственное участие экспертов этой организации в подготовке итоговых документов Проекта являются отражением процесса развития различных форм партнерских отношений между государством и коренными народами в ходе выполнения федеральной программы НИЦ "Арктика".

Экономическое освоение Арктики, имеющее четкие региональные приоритеты, создает различные перспективы и определяет возможные последствия для коренных народов региона. В частности, региональные различия в перспективах дальнейшего развития коренных малочисленных народов Арктического региона определяют следующие факторы:

- различия современного хозяйственного использования Арктического региона,
- демографические процессы,
- миграционные процессы,
- процессы этнокультурной ассимиляции.

Вероятно, в обозримой перспективе (1-2 десятилетия) экономика России продолжит зависеть преимущественно от добычи и экспорта минерального и углеводородного сырья. Объемы добычи невозобновимых природных ресурсов и соответствующая транспортная инфраструктура будут неминуемо расширяться, причем преимущественно за счет северных регионов, а роль российского Севера в сырьевом экспорте страны продолжит возрастать. Таким образом, неизбежно будет происходить усиление техногенного воздействия на природную среду Севера, которая и так отличается крайне низкой устойчивостью к антропогенным нагрузкам и очень медленным восстановлением нарушенных промышленным освоением экосистем.

Не задаваясь целью проведения специального экономико-географического исследования, коротко обозначим возможные перемены в перспективах развития коренного населения Арктического региона в зависимости от этих факторов.

Уже в настоящее время налицо тот факт, что *современная практика хозяйственного освоения Севера* привела к существенным различиям в уровне жизни не

только отдельных коренных малочисленных народов Арктического региона России, но даже представителей одного и того же широко расселенного народа. Так, в соответствующих частях настоящего Проекта показано, что ненецкое население Ненецкого АО живет хуже, чем ненецкое население Ямало-Ненецкого округа, получающего дотации за счет развития нефтегазового комплекса. Береговые чукчи Чукотского АО, вовлеченные в совместное управление биологическими промышленными ресурсами, живут лучше оленых чукчей, и т.д.

Можно предположить, что перспективы хозяйственного освоения регионов и в ближайшем будущем будут оказывать основное влияние на дальнейшую дифференциацию уровня жизни различных представителей разных этносов Арктики. При этом основную роль будут играть расширение нефтегазодобычи, добычи минерального сырья, развитие транспортного использования Северного морского пути, возможно, и развитие рекреационно-природопользования. Эти отрасли экономики будут формировать ее точки роста, а значит – увеличивать региональный и федеральный бюджеты, за счет которого могут поддерживаться коренные малочисленные народы, занятые в традиционном хозяйстве. Такие точки экономического роста уже формируются или существуют за счет интенсификации нефтегазодобычи на севере Европейской части России, Западной Сибири, шельфе Чукотки.

Большие перспективы развития горнодобывающей промышленности имеют Чукотский АО, север Якутии и т.д. В перспективе развитие транспортных перевозок по Северному морскому пути активизирует расширение и модернизацию береговой инфраструктуры портов Арктических морей, что будет способствовать росту числа рабочих мест, увеличит налоговые поступления в местные бюджеты, тем самым расширив возможности для поддержки коренного населения Арктического побережья. Развитие разнообразных форм экологического туризма также может в ближайшей перспективе обусловить поступление денежных средств, расшире-

ние сферы занятости, главным образом, саамского населения Мурманской области.

Однако экономическое развитие за счет экспансии добывающих отраслей промышленности, развития береговой инфраструктуры Северного морского пути или экотуризма в условиях слабого законодательства, регулирующего охрану территорий традиционного природопользования, может привести и к деградации последнего.

Различия в перспективах развития, обусловленные современными *демографическими процессами*, связаны прежде всего с отрицательной динамикой естественного прироста у саамов, нганасан, энцев, юкагиров и т.д. В то же время для Эвенкии, Ямало-Ненецкого, Корякского АО показатели воспроизводства остаются неплохими.

Миграционные процессы, связанные с оттоком пришлого населения с северных территорий в последние годы, резко ухудшили уровень социального благополучия многих представителей коренных народов Севера вследствие закрытия горнодобывающих поселков, социальная инфраструктура которых и рабочие места были доступны и коренному населению. Особенно остро это проявилось в Чукотском АО. С другой стороны, миграционные процессы, связанные с притоком пришлого населения, например, в Ямало-Ненецком АО, Ловозерском и Кольском районах Мурманской области, способствуют развитию ассимиляционных процессов.

Воздействие промышленного освоения Севера на коренные народы (вследствие их небольшой численности и органической связанности этнических культур с традиционным оленеводческо-промысловым хозяйством) проявляется в развитии процессов *культурно-языковой* и *этнической ассимиляции*, а также *генетической метисации*. Определенную роль в этих процессах играет не только численное преобладание пришлого населения в районах промышленного освоения. Особое значение имеет процесс разрушения традиционного хозяйства и образа жизни коренного населения, в прямом смысле слова выталкивающий их представителей в

полиэтнические по составу населения, относительно крупные поселки. В 1990-е гг. это происходило из-за кардинального изменения государственной экономической политики на Севере (прекращение субсидирования скупки продукции оленеводства, охоты и рыболовства), снижения биопродуктивности обширных территорий из-за загрязнения и других форм антропогенной трансформации природной среды, отчуждения части земельных угодий под разработку минерального и углеводородного сырья и транспортную инфраструктуру.

Языковая ассимиляция у коренных малочисленных народов Севера выражена весьма сильно. Согласно выборочному обследованию⁵, в середине 1990-х гг. среди сельского населения своим "родным языком" считали не язык своей национальности, а русский язык: саамы – 69%, ненцы – 34%, нганасаны – 50%, эвенки – 16% (и еще 71% – вероятно, якутский), эвены – 14% (и еще 25% – якутский), юкагиры – 47% (и еще 47% – якутский), чукчи – 20%, коряки – 73%, эскимосы – 50%. *Культурная ассимиляция*, вероятно, не уступает по своим масштабам языковой и тоже выражена весьма сильно.

Наряду с языковой ассимиляцией, культурную ассимиляцию и генетическое смешение, изменяющее антропологический облик коренных малочисленных народов, усиливает весьма высокий у них уровень смешанных браков с участием русских, якутов и представителей других национальностей, доходящий до половины и более всех брачных пар у некоторых коренных малочисленного народа Севера, или же рождение детей от временных союзов женщин с лицами иных национальностей. Так, например, в некоторых районах Красноярского и Хабаровского краев до 70% – 80% детей у представительей малочисленных народов Севера рождается от смешанных браков⁶, а согласно материалам из села Джаргалах (Якутия), среди местных 146 эвенов только у 30 человек среди предков не было якутов или русских, тогда как 116 эвенов являются прямыми потомками смешанных браков их родителей, дедов или прадедов⁷.

КОНЦЕПЦИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: СУЩЕСТВУЮЩИЕ ПОДХОДЫ И ИХ СООТВЕТСТВИЕ УСЛОВИЯМ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ

Проблема устойчивого развития народов, включая коренные малочисленные этносы Арктического региона, в последнее время находится в центре внимания многих ученых, политиков, общественных организаций, что связано как с разработкой национальных стратегий устойчивого развития, так и с резким обострением социально-экологических условий, угрожающих существованию этносов в ряде регионов мира, к которым принадлежит и Арктический регион. Позитивистско-технократическая парадигма, господствующая в науке на протяжении XX столетия, значительно сузила рамки анализа основ устойчивости этноса, выдвинув на первый план её материальные основы. Культурологическим основам устойчивого существования этносов уделялось значительно меньшее внимание. Такой подход делает несбыточным достижение устойчивого развития, причем признание этого факта стало очевидным в эпоху современного мировоззренческого кризиса.

Эффективное использование ресурсов лежит в основе любой стратегии экономического развития. Поэтому вопрос о том, как сбалансировать их воспроизводство и потребление в традиционном хозяйстве, остается основной проблемой во всех стратегиях устойчивого развития районов проживания коренных народов Севера. Ее решение состоит из двух этапов: во-первых, необходимо определить приоритеты целей развития, во-вторых, разработать механизмы, с помощью которых можно преодолеть противоречия, неизбежно возникающие между коренными народами, государственными структурами и некоренным населением Севера в процессе природопользования.

Исходя из опыта стран Арктического региона, можно выделить три крайних подхода к *определению приоритетов* в соответствии с целями устойчивого развития.

Первый, радикально-экологический (позиция "зеленых"), основан на принципе

минимального вмешательства в природу. Традиционные формы хозяйства коренных народов, связанные с лишением жизни большого числа животных, в условиях современности рассматриваются как варварство, против которого необходимо вести борьбу. Использование биологических ресурсов должно быть минимизировано, а наиболее грубые формы их изъятия из природы, нарушающие установки экологической этики (в ее европейском понимании), исключены полностью.

Второй подход, наиболее распространенный в дореформенной России, рассматривает охрану биологических ресурсов как необходимое условие их рационального использования. Максимальный приоритет получает экономическая эффективность, причем критерии оптимальности устанавливаются, исходя из общегосударственных или региональных интересов. Этнокультурные ценности национальных меньшинств в расчет не принимаются.

Третий подход акцентирует внимание на приоритетном праве коренных народов использовать биологические ресурсы на территориях своего расселения. Его сторонники полагают, что коренные этносы в достаточной степени сохранили те традиции, которые регулировали их отношения с окружающим миром живой природы в прошлом. Но даже если такие традиции утрачены, потомки коренных народов могут сохранять значительно большую, по сравнению с представителями доминирующего общества, способность понимания родной природы. "Права животных" при любых условиях не могут превышать права аборигенного населения, в течение многих веков составлявшего органическую часть северных экосистем. У него свои нормы отношения к природе, отличные от экологической этики европейцев, и последние не имеют права навязывать ему свою культуру и мировоззрение.

Возражения против последнего подхо-

да связаны, во-первых, с возможным ущемлением интересов некоренного населения, проживающего в северных районах. Во-вторых, в ряде случаев традиционная охота способна нанести существенный ущерб биоразнообразию. Например, среди объектов традиционной охоты коренного населения Арктики можно обнаружить ряд видов птиц, занесенных в Красную книгу. Значительный ущерб отдельным популяциям может нанести потребительская охота в запрещенные сроки. В ряде случаев природопользование остается традиционным только формально и используется как прикрытие для "узаконенного" браконьерства. В целом существующее в России природоохранное законодательство и система государственного регулирования использования ресурсов животного мира лишь в небольшой степени учитывают реальные интересы коренного населения Севера.

Еще одна проблема связана с тем, что на практике часто остается не ясным, кто и каким образом способен выражать подлинные интересы коренных народов. Это особенно актуально в России, где соответствующие политические процедуры не разработаны и формально не определены. Фактически часто происходит спекуляция на интересах коренных народов в экологической сфере.

В целом, пока не представляется возможным выработать последовательный подход, охватывающий положительное содержание всех трех перечисленных выше. Чтобы повысить устойчивость системы природопользования на практике, нужны специальные процедуры согласования интересов, в результате которых сторонники каждой из противоборствующих позиций, делая друг другу уступки, могут быть удовлетворены за счет частичного осуществления своих принципов.

Вероятно, "идеальную модель" для коренных народов Севера можно представить как сохранение в составе каждого из них двух основных социокультурных групп и существенное (до средних по регионам Арктики значений) увеличение уровня жизни каждой из таких групп, а именно:

1. Ведущие традиционное хозяйство (оленьеводство, охота, рыболовство, соби-

рательство), частью сохраняющие, постоянно или сезонно, неоседлый образ жизни либо проживающие в отдаленных небольших поселениях;

2. Живущие в относительно крупных поселках с полиэтничным населением, работающие вне традиционного хозяйства и имеющие профессиональную подготовку, приемлемые доходы и относительно высокий уровень образования.

Первые естественным образом обеспечивают сохранение языка и "живой" культуры своих народов в максимально возможной на сегодня и на ближайшее будущее степени; вторые (особенно интеллигенция из их числа) обеспечивают возможность как развития любительского и профессионального народного искусства и литературного языка, так и предоставляют кадры для общественных организаций коренных малочисленных народов Севера, отстаивающих права и защищающих интересы всех представителей этих народов.

К сожалению, ныне в составе большинства коренных малочисленных народов Севера существует еще и достаточно заметная третья социокультурная группа маргиналов-безработных, живущих преимущественно в крупных поселках в основном за счет пенсий и детских пособий в сочетании с эпизодической промысловой деятельностью. Именно среди них в максимальной степени распространены социальные по своему характеру болезни (например, алкоголизм, туберкулез и т.п.). Наличие этой группы, естественно, несовместимо с принципами устойчивого развития, и потому требуются особые социально-медицинские программы реабилитации и трудоустройства подобных лиц.

Для реализации модели устойчивого развития Арктического региона необходимо прежде всего сохранение природной среды Севера на территориях и в состоянии, адекватных потребностям традиционного хозяйства, то есть как минимум сохранение биоразнообразия на уровне промысловых видов и используемых типов экосистем. Реально это можно реализовать лишь на основе зонирования Севера – *необходимо выделение зон приоритетного промышленного освоения и эко-*

номического развития (где в поселках необходимо обеспечить условия для полноценной жизни и работы представителей коренного населения) и зон приоритетного традиционного природопользования. В последних необходимо обеспечить условия для сохранения промысловых живот-

ных и освоенных экосистем в целом и для ведения традиционного хозяйства представителями коренных народов Севера, обеспечивающего им также приемлемые условия жизни. Особое и отдельное место вне указанных зон должны занять территории заповедников.

МЕХАНИЗМЫ СОВМЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ РЕСУРСАМИ И ПЕРЕХОД К НЕИСТОЩАЮЩЕМУ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЮ

Оптимальным вариантом организации природопользования в Арктическом регионе является, по-видимому, совместное управление ресурсами, или *ко-менеджмент*. Совместное управление природными ресурсами представляет собой систему мер, выработанных в результате соглашения между имеющими соответствующие полномочия правительственными агентствами и представителями различных групп пользователей биоресурсами, включая в данном случае коренные северные народы. Основная идея совместного управления заключается в интеграции двух подходов к управлению ресурсами: “западного”, основанного на государственном управлении и научном знании, и аборигенного, традиционного⁸.

В конкретных условиях традиционное регулирование природопользования может быть значительно эффективнее государственного. Его основным минусом в настоящее время стало нарушение механизма передачи традиционных знаний, навыков, правил и норм поведения от старшего поколения к новым поколениям.

При этом ни традиционная, ни государственная система не могут в настоящее время эффективно защищать биоразнообразие. Государственные службы не имеют достаточного влияния на пользователей ресурсами из числа коренных жителей. Коренные жители не могут получить гарантированный доступ к ресурсам без соответствующих санкций государственных служб. От объединения усилий этих систем выигрывают обе стороны⁹.

Широко известен опыт организации

совместного управления ресурсами китообразных и промысловых рыб на Аляске и популяциями карibu на Севере Канады. В Канаде режимы совместного управления возобновимыми природными ресурсами с участием коренного населения создавались для различных целей и при разнообразных обстоятельствах и к настоящему времени установлены по всей территории страны¹⁰. Все они, за исключением двух случаев (договора, заключенного в 1975 г. по заливу Джеймс Бей, и Соглашения по Северному Квебеку), действуют не более 10-15 лет, однако за это время уже успели показать свою эффективность¹¹. В Скандинавских странах на сходных принципах построена система управления оленеводством саамов, хотя сам термин “ко-менеджмент” там и не используется.

В России примера последовательного использования такого подхода еще не было, что связано с общим низким уровнем самоорганизации коренного населения и консервативностью региональных органов государственного управления.

В последние годы, однако, инициативы по формированию системы совместного управления биоресурсами появились на восточной Чукотке. Там в рамках совместных российско-американских проектов организован мониторинг популяций морских млекопитающих, который ведут наблюдатели из коренного населения приморских поселков – морские охотники эскимосы и чукчи. Данные мониторинга передаются в международные комиссии и используются для обоснования квот на добычу серого и гренландского китов и

моржей коренным населением Чукотского полуострова. Благодаря проведенным за последние годы наблюдениям, квоты были значительно увеличены.

Оценивая возможности совместного управления ресурсами (ко-менеджмента) в северных регионах России, нужно учитывать, что традиционные установки, которые ограничивали нагрузку на природу в прошлом и были основаны на единстве хозяйственной и культурной жизни коренных народов, сейчас во многих местах ослабели или вообще перестали действовать. Тем не менее, полностью заменить их государственным регулированием – значит лишить традиционное природопользование возможности развиваться, адаптируясь к современным условиям. Разумное разграничение ролей и сфер деятельности при управлении биологическими ресурсами в районах проживания коренных народов необходимо везде. С этой целью надо законодательно разделить компетенции государства и самостоятельных органов, представляющих интересы коренного населения в сфере природопользования. Должен быть выделен некоторый круг проблем (например, вопросы управления местными биоресурсами), в который государственные службы уже не вмешиваются, и где все вопросы решаются коренным населением.

Традиционное природопользование играет важнейшую роль в жизни коренных этносов. Достижение паритета в вопросе управления ресурсами охотничьих животных, промысловых рыб, морских млекопитающих и оленьих пастбищ фактически означает для них основу этнической автономии и, как показывает зарубежный опыт, достигается поэтапно. На первых этапах интересы коренных жителей не учитываются вообще, либо их учет носит формальный характер. Система мониторинга, организованная морскими охотниками Восточной Чукотки, соответствует высокому уровню паритета, на котором происходит активное использование традиционных знаний и опыта коренного населения и контакт административных органов с пользователями ресурсов при разработке проектов решений. Для перехода к еще более высокому уровню нужно,

чтобы организации местных пользователей биоресурсами (например, кооператив “Наукан” в поселке Лаврентия на Восточной Чукотке) были официально признаны участниками разработки проектов решений.

Высший уровень совместного управления, предполагающий законодательное регламентированное принятие согласованных решений и делегирование общинам коренных жителей значительных полномочий по управлению ресурсами оседло живущих животных и дикорастущих растений, можно рассматривать как конечную цель развития систем совместного управления ресурсами (“ко-менеджмента”).

Неистощающее природопользование в рамках традиционного хозяйства в современных условиях, однако, осложнено рядом проблем. Учитывая общие законы устойчивости популяций, можно сделать вывод, что в основе устойчивого развития этносов лежит, в частности, неистощающее природопользование, понимаемое не только как совокупность экологически обоснованных приемов эксплуатации природных ресурсов территории, но и как отражение определенных мировоззренческих представлений. Оно формирует как экологические, так и культурологические основы устойчивого развития этноса. Неистощающее природопользование возможно при определенной и постоянной плотности (и численности) населения, разумно ограниченном индивидуальном потреблении, а также при наличии достаточных знаний о природе как источнике ресурсов и рисков, а также при регламентированном духовной культурой отношении к ней. Для Арктического региона неистощающее природопользование в определенной степени может ассоциироваться с традиционным природопользованием коренных малочисленных народов и старожильческого населения в относительно “спокойные” исторические периоды их развития, когда оно было направлено на сбалансированное использование биологических ресурсов как своей основы.

К сожалению, современный период к такому не относится, и имеются тревожные признаки деградации традиционного природопользования под воздействием

многих факторов, а вслед за ним и разрушение этнической культуры аборигенов Севера. Основными факторами дестабилизации традиционного хозяйства, вызывающими подрыв биоресурсной базы и проявляющимися также в изменении форм и целей традиционного хозяйствования, в последние десятилетия выступают следующие:

- Прошедшая в основном в 1960-1970-е гг. во многих районах Севера концентрация коренного населения в относительно крупных поселках, что привело и к усилению антропогенного воздействия ведущих традиционное хозяйство народов и этнокультурных групп на биоресурсы в районе этих поселков при выводе части наиболее отдаленных угодий из хозяйственного использования. Одновременно общая численность жителей этих поселков в большинстве случаев существенно увеличилась за счет миграций из других регионов СССР, и часть пришлого населения также включилась в охотничье-промысловую деятельность. Резкий рост стоимости горючего и запчастей в 1990-е гг. еще более сузили интенсивно эксплуатируемые промысловые ареалы, что только усугубило проблему неравномерности нагрузки на биоресурсы Севера и локальных проявлений перевыпаса на оленьих пастбищах и перепромысла некоторых видов животных.

- Демографический рост ряда коренных народов, не только самых больших по численности в российском Арктическом регионе, но и в наибольшей степени сохраняющих традиционное оленеводческо-промысловое хозяйство до наших дней, в течение всего XX в. (ненцы – в 3,7 раза; долганы – в 7,7 раз; эвены – в 5,5 раз, чукчи – в 1,3 раза, коряки – в 1,3 раза) и в том числе в 1979-1989 гг. – соответственно на 16% (ненцы), 37% (долганы), 40% (эвены), 8,5% (чукчи) и 17% (коряки); здесь приведены округленные подсчеты по сведениям переписей 1897, 1979 и 1989 гг.¹². Впрочем, динамика численности долган и эвенов определялась не столько их естест-

венным приростом, сколько изменениями в этническом самосознании или специфической фиксации этнической принадлежности некоторых групп коренного населения.

- Некоторое увеличение в начале – середине 1990-х гг. относительной доли коренного населения Севера, фактически занятого в традиционном хозяйстве, так как часть людей были вынуждены включиться в него с целью самообеспечения продуктами питания после закрытия многих предприятий и учреждений в северных поселках либо же для того, чтобы иметь основания для получения “родовых земель” с пастбищными или промысловыми угодьями. Ухудшение социально-экономического положения пришлого населения в эти же годы также способствовало включению существенной его части в охотничье-промысловую деятельность, прежде всего с целью самообеспечения.

- Реформы 1990-х гг. существенно изменили экономическую конъюнктуру и вызвали сильнейший рост затрат на промысел, что привело к резкому увеличению использования особо ценных биоресурсов, дающих продукцию наиболее высокой стоимости (например, осетровые рыбы, собель). Наоборот, использование менее ценных биоресурсов при этом сократилось, так как фактически перестало себя окупать. Так, в ряде районов Севера добыча белки почти прекратилась, ибо стоимость ее шкурки стала почти равна стоимости патрона, но соболя – возросла. На Енисее резко возрос вылов (фактически браконьерский) осетра и стерляди, а вылов налима и других частичковых рыб, напротив, снизился почти до нуля. Таким образом, под угрозой перепромысла в охотничье-рыболовецком хозяйстве ныне оказались немногие особо ценные с коммерческой точки зрения виды.

Все эти факторы способствуют увеличению антропогенной нагрузки на природную среду, однако, в принципе эта нагрузка поддается определенному регулированию и может быть оптимизирована.

ТРАДИЦИОННОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ КАК ОСНОВА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРНЫХ НАРОДОВ

Традиционное природопользование – это исторически сложившееся и, как правило, экологически сбалансированное использование коренными народами Севера биологических ресурсов дикой природы тундры, тайги и прибрежных акваторий морей. Без традиционного природопользования невозможно *традиционное жизнеобеспечение* коренного населения Севера. Оно может быть источником денежного дохода, но в основе своей ориентировано не на максимальную прибыль, а на личное и семейное потребление, базируется на традиционных ценностях, специальных навыках и комплексном знании местной природной среды, использует малые технологии и распределяет конечную продукцию через традиционные системы обмена, то есть среди обширной группы родственников и друзей. Эти особенности позволяют считать традиционное природопользование и жизнеобеспечение экологической основой устойчивого развития северных народов.

Остановимся на еще одном важном аспекте традиционного природопользования¹³. В отличие от индустриального производства, основанного на разделении труда, традиционное природопользование может быть условно представлено как особого рода *ремесло*, то есть такая деятельность, в рамках которой каждый исполнитель участвует во всем производственном цикле, что и дает ему возможность целостного восприятия окружающей среды.

Традиционное природопользование ведется, как правило, комплексно и включает – в различных сочетаниях – несколько отраслей хозяйства: северное оленеводство, охотничий промысел, морской зверобойный промысел, промысловое рыболовство (на внутренних водоемах или морское прибрежное), сбор дикорастущих, полезных растений. В традиционный хозяйственный комплекс северных поселков входят также различные виды деятельности, связанные с переработкой про-

дукции, получаемой указанными отраслями, а также клеточное звероводство, если оно использует корма, получаемые от оленеводства и традиционных промыслов.

Оленеводство как основная отрасль традиционного природопользования Севера России. В современных условиях оленеводство незаменимо для устойчивого развития традиционного природопользования и культур северных народов России. Это не только вид хозяйственной деятельности, но и часть традиционной культуры коренных северных этносов, уникальный способ их адаптации к экстремальным условиям среды. Оно не может быть заменено другими, иногда более эффективными в экономическом плане отраслями (охотничьим, морским зверобойным промыслом, рыболовством, звероводством и др.).

Этносохраняющая роль оленеводства обеспечивает возможность устойчивого развития коренных народов Севера в четырех аспектах:

1. Социально-экономическом: как источник денежных и натуральных доходов и сфера приложения труда, обеспечивающая занятость коренного населения.

2. Демографическом: связанный с оленеводством образ жизни обеспечивает относительно изолированное проживание кочевых семей. Это способствует заключению браков с представителями своей национальности и воспитанию детей в рамках традиционной этнической культуры.

3. Культурно-этническом: для большинства северных народов России домашний олень – основной символ культуры. Кроме того, оленеводство создает благоприятную среду для общения на родном языке, передачи традиционных знаний, духовных и культурных ценностей.

4. Политическом: оленеводство, в котором заняты исключительно коренные народы – наиболее благоприятное поле для их конструктивной самоорганизации.

Это – возможность объединяться представителям разных коренных народов на основе общих профессиональных и хозяйственных интересов. Именно через защиту своих профессиональных интересов саамы-оленоводы Норвегии и других скандинавских стран приобрели опыт в различных формах социальной, а затем и политической активности, вплоть до образования Саамского парламента.

В настоящее время северное оленеводство России находится в кризисном состоянии. На Севере Западной Сибири произошел значительный рост численности домашних оленей, что привело к перегрузке оленьих пастбищ. В восточной части Российской Арктики, напротив, происходит резкое снижение их поголовья, вызванное социально-экономическими последствиями непродуманного реформирования оленеводческо-промышленного хозяйства.

Как этносохраняющая отрасль, оленеводство должно быть объектом адресной государственной поддержки. Однако в связи с тем, что ситуация, сложившаяся в оленеводческом хозяйстве разных регионов Севера, коренным образом различается, усилия по сохранению и устойчивому развитию этой отрасли должны быть регионально дифференцированы.

Крупностадное тундровое оленеводство в западном секторе Российской Арктики (Европейский и Западносибирский Север), где поголовье оленей в основном сохранилось или даже возросло, должно быть ориентировано на ускоренное экономическое развитие. Основным сдерживающим моментом здесь является переработка и реализация продукции. Необходимо коренным образом улучшить качество и повысить статус продукции оленеводства у потребителей. Оленина здесь может стать ценным деликатесным продуктом для экспорта и внутреннего рынка городов России. Параллельно может быть значительно повышена ее роль и на местных, северных рынках.

На первом этапе нужно обеспечить оленеводческие предприятия холодильным оборудованием, забойными пунктами и цехами по переработке продукции с современным оборудованием, разработать

для каждого региона рациональные схемы организации забоя оленей и вывоза продукции к основным рынкам сбыта без использования дорогой авиации.

На втором этапе целесообразно реализовать маркетинговую программу, направленную на повышение статуса оленины как продукта питания и создание системы реализации наиболее дорогостоящих видов оленеводческой продукции в крупнейших городах России и на экспорт. Необходимо сотрудничество российских и зарубежных организаций, в первую очередь частных предприятий оленеводов, объединяющих представителей коренного населения.

Через несколько лет за счет полученного экономического эффекта станет возможным значительное улучшение условий труда и быта оленеводов в тундре и повышение уровня их жизни.

Для обеспечения экологической устойчивости оленеводческого хозяйства необходимо также принять меры по предотвращению перевыпаса и сохранению пастбищных ресурсов. Например, по некоторым оценкам площадь и продуктивность оленьих пастбищ могут ныне обеспечить существование за счет ведения оленеводческого хозяйства только для примерно 1/4 части всего современного местного коренного населения Ямало-Ненецкого АО⁴. Кстати, плотность населения в районах традиционного развития оленеводства Европейского Севера и Западной Сибири уже к началу XX века фактически была близка к максимально возможной и потому к этому времени практически стабилизировалась вследствие почти полного использования пастбищных ресурсов¹⁵. В настоящее время, учитывая уменьшение площади и ухудшение качества части пастбищ вследствие промышленного освоения, пожаров и перевыпаса, развитие домашнего оленеводства на Севере Западной Сибири (Ямало-Ненецкий автономный округ) может происходить только за счет интенсификации хозяйства (производство более ценных продуктов) без увеличения поголовья оленей.

Напротив, в восточном секторе российской Арктики (от Таймыра до Чукотки) необходимо, прежде всего, остановить

продолжающийся катастрофический спад поголовья домашних оленей. Единственная возможность для этого сейчас – прямая государственная поддержка. Дальнейшие направления действий пока не совсем ясны. Вероятно, восстановление прежнего поголовья домашних оленей во многих районах (например, там, где домашнее оленеводство фактически уже заменено промыслом диких оленей) окажется невозможным. В других случаях оно может быть экономически нецелесообразным. Проблема должна решаться отдельно для каждого конкретного региона, на основе достаточной информации.

Особое внимание нужно обратить на районы катастрофического сокращения поголовья оленей. Связанные с оленеводством семьи не могут быстро и безболезненно адаптироваться к условиям жизни в поселках. Там, где оленеводство утеряно или резко сократилось, значительная часть бывших оленеводов переходит в категорию “ломпенгов”, живущих в нищете, антисанитарных неблагоустроенных жилищах, с повышенным уровнем алкоголизма, преступности, других социальных болезней. Чтобы предотвратить это, необходимо усилить адресную материальную помощь семьям оленеводов, живущим в тундре или тайге. В большинстве случаев такая помощь уже организована местными властями, но она пока явно недостаточна.

Тажное оленеводство в большинстве районов, по-видимому, уже невозможно будет возродить как товарное хозяйство, ориентированное на производство мяса и шкур. Поэтому в тажских районах необходимо способствовать организации небольших оленеферм на основе семейно- и общинно-родовых хозяйств. Олени в них будут, во-первых, обеспечивать потребности коренного населения в мясе и шкурах, во-вторых, использоваться как средство индивидуального транспорта на охотничьем промысле, в-третьих, могут быть источником ценного сырья для производства биофармацевтических препаратов и биологически активных веществ. Несмотря на небольшое поголовье, фермерское разведение оленей может сыграть важную этнокультурную роль. В перспективе на

базе оленеферм могут быть созданы национальные культурные и туристические центры.

Во всех регионах создать устойчивое оленеводческое хозяйство невозможно без активного участия в управлении им самих оленеводов. В настоящее время коренные жители практически отстранены от процесса принятия решений в сфере природопользования. Чтобы изменить положение, необходимо продолжить разработку и совершенствование законодательной основы оленеводства и других отраслей традиционного природопользования с тем, чтобы представители коренных народов имели юридически закреплённые возможности участвовать в управлении ресурсами.

Как уже было отмечено выше, устойчивое развитие оленеводства предполагает его сочетание с другими традиционными отраслями, прежде всего с охотой и рыболовством. При наличии богатой сырьевой базы и избытка рабочей силы развитие традиционного охотничьего и рыболовного промыслов на Севере ограничивается сейчас в основном возможностью реализовать полученную продукцию.

Восстановить товарность промыслов в современных условиях можно путем организации положительно зарекомендовавшего себя в прошлом товарообмена с промысловым населением через систему факторий. С этой целью необходимо создать сеть торгово-заготовительных пунктов, территориально приближенных к родовым, семейным и другим промысловым, а также некрупным коллективным оленеводческим, хозяйствам, то есть к местам производства промысловой продукции: мяса и шкур оленей, пушнины, рыбы, дикорастущих пищевых и лекарственных технических растений и другого сырья природного происхождения. Они будут обеспечивать, во-первых, завоз, накопление и доставку к территориям традиционного природопользования продовольствия, снаряжения и товаров производственно-бытового назначения, во-вторых, организацию заготовок, первичного хранения, транспортировки и переработки продукции промыслов и оленеводства.

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ КОРЕННЫХ НАРОДОВ АРКТИКИ. ЕГО ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Как уже упоминалось выше, устойчивое развитие в своей основе должно иметь этнокультурные корни, и унификация здесь недопустима. Различные уровни и направления развития социумов – это не проблема “опоздания” части из них, а отражение этнокультурного своеобразия, то есть форм и способов развития. Глубокому пониманию традиционных культур представителями доминирующего общества препятствуют в первую очередь этно- и антропоцентрические установки их собственной культуры. Поэтому те, кто рассматривает “западную” модель устойчивого развития как “научную” и единственно верную, игнорируя ее культурный контекст (то есть обусловленные западной культурой картину мира, принципы социальной организации, отношений власти и др.), находятся в заблуждении.

Изучение культурного контекста традиционного природопользования северных народов показывает, что управление биологическими ресурсами в нем, в отличие от “западных” моделей природопользования, не принадлежит исключительно к сфере научной мысли и практики. Это часть интегрального целого, объединяющего способы познания, восприятия окружающего мира и образа жизни. Представления о том, как устроен мир, формируют отношения коренных народов с их природной средой и сами формируются на основе этих отношений. Система связей этноса и ландшафта в большей степени продукт культуры, а не просто отдельных наблюдений за природной средой. Сочетая символические и эмпирические знания, каждый из коренных северных народов вырабатывает свое уникальное представление о природе, которое, оставаясь частью его традиционной культуры, входит и в систему его природопользования. Традиционное природопользование действительно выражает экологическую культуру традиционного общества, отличную от “западной” и позволяющую строить

стратегии устойчивого развития, исходя из другого культурного контекста, нежели это делает “западная” экология¹⁶.

Этнокультурный аспект устойчивого развития связан с необходимостью обеспечить в ходе социокультурной модернизации населения сохранение его культурного и этнического разнообразия. Последнее может оцениваться в масштабах планеты, государства или отдельного региона, например, российской Арктики.

Понятие “развитие” вообще означает “усложнение” или “увеличение разнообразия”, что выражается в увеличении информационного потенциала действительного “развивающегося” явления или процесса, и потому “развитие” есть форма проявления негэнтропийных процессов, как в природе, так и в обществе. Следовательно, упрощение этнической структуры населения или выравнивание культурных традиций жителей какого-либо полиэтничного региона или страны в ходе этнической или культурно-языковой ассимиляции – типично энтропийных процессов¹⁷, снижающих степень разнородности или сложности человечества – никак не может быть названо “развитием” даже при одновременном повышении уровня жизни данного населения.

Таким образом, модель устойчивого развития российской Арктики призвана, в частности, обеспечить предотвращение или по крайней мере замедление процессов естественно идущей ассимиляции (культурной, языковой, этнической) малочисленных народов Севера русскими и якутами. Естественные условия для сохранения культурно-языковой самобытности и этнического своеобразия коренных народов Севера создает традиционное хозяйство, а также активизация культурно-языковой политики в поселках и городах проживания коренного населения Севера. Однако, вероятно, что только традиционное хозяйство способно обеспечить реальное сохранение и развитие культур и

языков малочисленных народов Севера. тогда как второе направление может лишь замедлить процессы их ассимиляции и, что главное, сгладить психологические последствия ассимиляции для тех коренных жителей северных городов и поселков, дети и внуки которых забывают язык и культурные традиции своего народа.

Если же рассматривать современное состояние коренных малочисленных народов и этнокультурных групп, занятых в традиционном хозяйстве Арктического региона, с позиций критериев устойчивого развития, то, основываясь на анализе статистических данных, результатах социально-демографических исследований¹⁸, изучения экологических и этнокультурных основ устойчивого развития, можно сделать следующие выводы:

- Вследствие широкого распространения социально обусловленных заболеваний (алкоголизма, туберкулеза и пр.), снижения уровня социального обеспечения, дисгармонии в семейно-брачных отношениях и т.п. генетическое здоровье рассматриваемых категорий населения находится под угрозой.
- Коренные малочисленные народы и старожильческое население Арктического региона обладает знаниями, навыками и традициями неистощающего природопользования, которые пока что не востребованы в должной мере государством.
- Несмотря на существенное влияние западной культуры, этническая культура коренных малочисленных народов сохра-

няется как в форме традиционного хозяйствования, так и в языке, традициях, обычаях, особенностях менталитета и так далее, однако без специальных поддерживающих мер (прежде всего, – помощи традиционному хозяйству) она вряд ли способна развиваться в будущем.

- Община в представлениях коренных жителей является важной формой общественного устройства.

- В условиях рыночной экономики сохранение материальных и духовных аспектов традиционной этнической культуры коренного населения Арктического региона может в известной мере способствовать развитию кооперации в промыслово-оленьеводческом хозяйстве.

Таким образом, коренные малочисленные народы и этнокультурные группы, занятые традиционным хозяйством в Арктическом регионе, сталкиваются с рядом серьезных препятствий на пути к устойчивому развитию. Современное кризисное состояние многих районов Севера принято связывать с политико-экономической ситуацией в стране, однако корни его следует искать в предшествовавших изменениях культуры. Сохранение элементов традиционной этнической культуры дает шанс к преодолению современных трудностей. Очевидно, что корни устойчивого развития должны находиться внутри самого общества и тем самым дать народу возможность определить свой собственный путь между прошлым и будущим.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Крутник И.И. Арктическая этноэкология: Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М., Наука. 1989. С. 8-12.
2. Официальный список "малых народностей" был впервые определен особым декретом ВЦИК и СНК от 15.X.1926 г. "Об утверждении Временного положения об управлении туземными народностями и племенами северных окраин РСФСР". Первоначально он включал народы, племена и роды, "ведущие бродячий, кочевой и полукочевой образ жизни", но при условии, что они "не выделены в особые республики и области", то есть якуты, коми и другие относительно многочисленные народы Севера и Сибири сюда никогда не входили (см.: Национальная политика в России. Кн. 2. Законодательные акты 1917-1992 гг. (социально-экономическое и культурное развитие народов Севера). М., Институт этнологии и антропологии, 1992. С. 20. Данный список, менявшийся из-за смены русских названий народов на их самоназвания, и первоначально сокращавшийся за счет объединения ранее обособленных субэтнических и родоплеменных групп с основными народами, повторяется с тех пор во всех статистических сводках и законодательных актах, а в 1990-е гг. он стал расширяться.
3. Котляков В.М., Глазовский Н.Ф., Руденко А.Г. Географические подходы к проблеме устойчивого развития // "Известия РАН. Серия географическая". 1997. № 6. С. 8.
4. Данная информация представлена в других частях Проекта.
5. Основные итоги микропереписи населения. М., Госкомстат. 1995.
6. Клоков В.Ф., Корюхина А.В. Труд и занятость народов российского Севера // "Этнополис". 1994. № 1. С. 65.
7. Кузнецов А.И., Миссонова Л.И. Этносоциальное положение эвенов в Эвено-Бытангайском районе Якутии // "Исследования по прикладной и неотложной этнологии". Документ № 35. М., Институт этнологии и антропологии, 1993. С. 15.
8. См. подробнее: Osherenko G. Sharing power with native users: co-management regimes for Arctic wildlife // "Canadian Arctic Resources Committee Policy Paper". № 5. 1988. PP. 1-44.
9. Там же.
10. Notzke, Claudia. Aboriginal peoples and natural resources in Canada. Captus University publication. 1994. 336 pp.
11. Там же.
12. Богдавленский Д.Д. Демографические проблемы малочисленных народов Севера // Население России. Второй ежегодный демографический доклад. Отв. ред. А.Г. Вишневский. М., "Евразия". 1994. С. 146.
13. Usher, Peter J. Traditional Ecological Knowledge in Environmental Assessment and Management // "Arctic". 2000. Vol. 53. № 2 (June). PP. 183-193.
14. Вильчек Г.Е., Серебряный Л.Р., Тишков А.А. Устойчивое развитие российской Арктики: что может география? // "Известия РАН. Серия географическая". 1997. № 1. С. 40.
15. Крутник И.И. Арктическая этноэкология ... С. 159-160.
16. См. подробнее: Nakasima D. Conceptualizing nature: the cultural context of resource management // "Nature & Resources". 1998. Vol. 34. № 2.
17. На энтропийный характер ассимиляционных процессов указывал, в частности, профессор С.А. Арутюнов.
18. Данная информация представлена в других частях Проекта.